

Сергей ФОФАНОВ

ТОСКА

Блеклые неба глаза с болью глядят на тебя,
бедный debil.
Сызмальства умный и злой, дерзостен был ты... Стал пьян —
всех победил.

Чтобы не спорил с Творцом, грязь тебе стала дворцом,
желтой — высь.
Взором ослепшим пляши, но не дыши и лежи —
не шевелись.

В кои-то веки железные, бешено
толпы мешавшие ложкой кривой,
жил музыкант некий тихопомешанный
с еле дышавшей гармошкой его.

Дикая музыка умалишенного!
Пальцы над планкою еле видны.
Щелкают клавиши — клавиши-молнии,
клавиши-лица и клавиши-дни...

Белый кутенок, из блюда лакающий,
пруд с облаками и тьма с мошкаррой —
все это клавиши, слабые клавиши
несокрушимой гармошки его.

1983

Небо воет, задувает мокрых ласточек в глаза
и дрожащим узким пальцем лезет в ухо...
Русь ты, Русь! Опять трясут тебя за крепкие влася,
как бы пляшешь ты — и значит, не старуха.

Хоть по облику девчонка,
да сносилаь изнутри:
догнила в боку печенка —
не воротись, как ни три.

1989

НИ О ЧЕМ

Вкруг меня роятся люди — отдаляясь, приближаясь
кто на шаг, а кто и ближе — чтоб всех дальше отлететь.
Остается удивляться и молить, чтоб в слове «жалость»
злое жало шевельнулось — чтоб скорей их отжалеть.

И я сам лечу вкруг их — их и всех, кого чуть видел,
словно есть тут не один я, но различных тьма и тьмы...
Ночь крошечная! Была ты наш единственный учитель,
но урок твой иль забыли, иль боимся вспомнить мы.

Все мы центры мирозданья: дети-птицы, дети-звери —
все, кто знает, что он значит, блеск луны в ночной росе.
То, что знали, мы забыли, в том, что помнили, изверься,
мы в бескрайнем мирозданье утерjali центры все.

...Вся ходят надо мною, твердь играет под подошвой,
то до тучи вдруг подбросит, тут же бездною упав,
до которой шаг и меньше, и от качки этой тошно —
и не лучше с каждым часом, годом, частью жизни всей...

1989

Фото Владимира Соколяева